

Демонстрация — проводы Максима Горького

Нижний-Новгород. 7 ноября (1901 года—ред. «Лен. См.») вечером уезжал из Нижнего на Москву Максим Горький, высылаемый полицией. В виду вредного его влияния на общество» (официальная мотивировка), ему приказано было выехать в Арзамас, маленький уездный городок, но он, как человек, страдающий туберкулезом, просил разрешить ему поселиться в Ялте. Вместо Ялты ему позволили поселиться в какой-нибудь деревне в Крыму. 7 ноября в городе была выпущена гектографированная прокламация за подписью «защитники народа против его угнетателей», которая начиналась словами: «мы собирались здесь проводить знаменитого, любимого писателя М. Горького и выразить наше крайнее негодование по поводу того, что его высылают из родного города». «У нас будут нагайками студентам, — говорилось, между прочим, в прокламации, — которые выступают за простой народ, бьют рабочих, которые хотят улучшить свое положение. У нас преследуют писателей, которые говорят правду и обличают начальство. Мы хотим и будем бороться против таких порядков»... Прокламации были распространены в большом количестве по всем учебным заведениям города и во время проводов разбрасывались на вокзале.

Провожать Горького, — пишет один очевидец, — на вокзал явились, главным образом студенты, реалисты (преобладали), один гимназист (я видел одного), один институтец (мальчуган), семинаристы, довольно много земской интеллигенции; по обыкновению не обошлось без случайной, серой глазающей публики, которая, впрочем, всегда бывает не безучастна к тому при чем присутствует, как и в этот раз. Представителей солидной, патентованной интеллигенции было совсем мало (раз—два и обчелся). Эта «интеллигенция» чествовала Горького по-своему — за печкой, с тостами, речами и закусками. Само собой разумеется, в качестве непрременных, почетных провожатых присутствовали жандармы, в большем против обыкновения числе, сразу бросающиеся в глаза. Кучку участников проводов, т. е. тех, что стояли плотной группой, можно определить числом не меньше 60 человек (наш нижегородский корреспондент определяет число провожатых приблизительно 150 чел. — редакция). Нужно заметить, что проводам неблагоприятствовала погода — страшно бурная: на Оке ветер (вокзал через Оку) снежный, с вихрем, рвал и резал; идти было трудно, никакой переправы еще не было: Ока не совсем встала.

«Я пришел на вокзал часов около 5 вечера. Горький шел в вагон, за ним плотно толпа с песнями и напутствиями. До отхода поезда осталось не меньше получаса. Провожавшие пели песни: «Отречемся от старого мира», «Смело, друзья, не теряйте бодрость в неравном бою», «Дубинушку», «Депутатом от сословий», «Вы жертвою пали борьбы роковой», «Назови мне такую обитель», «Из страны, страны далекой» и друг. Слышались возгласы: «Да здравствует Максим Горький!» «Да здравствует свободное слово!» «Да погибнет деспотизм!» «Проклятие темным силам» и многое другое в этом роде. Каждый возглас покрывался дружным «Ура!». Горький многократно раскланивался, просто и сердечно прощаясь с молодежью. Публика увлеклась, стараясь пением и криками подчеркнуть то, что ее привело на вокзал в этот бурный, непогодный вечер.

«Довольно, господа, — говорил Горький, — прошу не петь... Я совершенно не ожидал... Я крайне растроган... Но меня беспокоит: вы все-таки присутствуете...» — «Мы вас любим. Да здравствует хороший человек, известный писатель Максим Горький». Горький со многими целуется. Он то уходит в вагон, то выходит, прощаясь, приветствуемый бурными криками. Публика машет фуражками и шапками. «Досвидания, господа». — «Досвидания». Вы вернетесь... Он вернется на заре новой жизни...» «Н.Н., пожмите от меня руки вашим товарищам-студентам». Восторженные крики: «Да здравствует»... пение.

Последний свисток. Гул прощания, и публика, затянув песню, «Вы жертвою пали борьбы роковой», трогается за поездом.

«Вокзальная жандармерия, — сообщают нам из другого источника, — не ожидавшая ничего подобного, не знала, что делать. Городская полиция на запрос, обращенный к ней жандармами, отвечала: «Не наше дело». Проводив Горького, толпа беспрепятственно вышла с вокзала и направилась к городу, а вокзальная

жандармерия принуждена была лишь озлобленно созерцать спину уходящих. Ей ничего не оставалось, как составлять протокол о произведенных беспорядках.

«Между тем толпа, перейдя Оку, вышла на Большую Покровку (главная улица города) и прошла ее всю с песнем тех же песен. В шествии участвовало, — пишет выше упомянутый очевидец, — до 150—200 человек. Преобладала серая, ремесленная мастеровая публика. Время — восьмой час. Через короткие промежутки в толпе кричали: «Максим Горький сослан, сослан за правду! Да здравствует Максим Горький!». Крики «ура» и пение. Трамваи останавливались и пассажирам объясняли, в чем дело. Против театра, на площади, возобновились крики из толпы: «Максима Горького выслали». С панели отчетливый громкий возглас: «За что?» — «За свободное слово! За правду. Да погибнет весь существующий порядок!» и т. д. В конце Покровки, против здания Думы, шествие остановилось. Здесь была сказана бойкая речь, выслушанная при глубокой торжественной тишине и покрытая неистовыми криками: «Да здравствует Максим Горький». Свежий молодой голос оратора смело бросал слова, звенко отдававшиеся в этом, богатом резонансом, месте. Оратор обращался к рабочим и мастеровым, которые были в толпе. Он объяснял им, по какому поводу произошла демонстрация.

— Горький сослан за то же, — говорил оратор, — за что вот уже сорок лет гибнут в тюрьмах, на каторге, в ссылке тысячи лучших людей: за правду, за обличение безобразных условий нашей жизни. У него было одно оружие — перо, одна сила — мысль, высказываемая в свободном слове, и за это свободное слово он выслан. Те, которые заставили его удалиться отсюда, считают, что Горький оказывал дурное влияние на здешнее общество, на молодое поколение. А мы говорим, что это было хорошее влияние и нашей демонстрацией мы показываем, как мы любим Горького за его свободное слово, мы любим и чтим его за тот живой, бодрый, как бы зовущий к свободе дух, которым проникнуты все его произведения. Максим Горький выслан без суда, без следствия, тайно от всех. Но мы сделали публичным, открытым этот произвол, мы приглашаем всех: «Говорите повсюду, говорите всем и везде, что известный писатель Максим Горький сослан, сослан хороший человек. Да здравствует Горький!»

Толпа бурно повторяет этот возглас. Студенты громко декламируют: «Палет произвол и восстанет народ могучий, свободный и сильный». Оратор объявляет демонстрацию законченной и предлагает разойтись.

«Рабочий в огромной мехнотой шапке, фигура а ля Горький, все время демонстрировавший с другими в первом ряду, обнажает голову, кланяется студентам: «Спасибо, господа, за Горького. Спасибо. В первый раз приходится видеть это...» Тот же рабочий, при возгласе оратора: «Да здравствует Горький» развернул над головами всех свой белый шарф, как знамя.

«Я оставил вокзал в то время, как жандармы оцепили певцов, но потом их выпустили».

«Все время до отхода поезда жандармы относились совершенно безучастно к тому, что происходило на их глазах, а в городе я наблюдал такую высоко комическую картину: при звуках Марсельезы, доносившихся издали, пристава и околоточные по парно садились на извозчиков и удирали. По всей Покровке не было ни одной серой шинели. Перед театром, где было представление и всегда бывает много полиции, — в этот момент ни души. Даже и тогда, когда все было кончено и все разошлись, чиновная полиция, как опалелая, металась по Ильинской, по Лыковой дамбе, ближе к базару, лишь бы подальше от тех мест, где так дерзко нарушались общественная тишина и спокойствие».

Полицию за ее невмешательство начальство, конечно, не поблагодарило, кое-кто из приставов посидел пол арестом, полицмейстер же вышел в отставку, и, как слышно, отставка связана с демонстрацией. Жандармами теперь поднято дело о демонстрации, и многих из бывших на вокзале

вызывали уже на допрос,—впрочем, в качестве свидетелей.

Демонстрация, несмотря на свои скромные размеры, сильно всколыхнула нижегородцев: везде и всюду идут о ней толки, и людей, сочувствующих ей, особенно среди «низов», встретишь чаще, чем осуждающих.

«9 ноября,—сообщают нам из другого источника,—в городском театре, перед началом представления, когда свет был уже потушен, раздался резкий сильный голос:

— Господа, Максим Горький не доехал до Москвы; он был высажен на одной из станций, и где он теперь—неизвестно. В Москве же на вокзале его ожидала двухтысячная толпа». Полиция бросилась к говорившему, вспыхнул свет, но было уже поздно: говоривший исчез в толпе.

«На это заявление послышалось из публики от одной из девиц возражение, что это неверно, что она знает, что Горький сам сошел со станции Обираловка *). Через несколько дней эта девица, узнав, что Горький действительно был задержан и что она в своем возражении была не права, заявила об этом опять во время аттракта в театре, за что сейчас же была арестована; продержали ее около недели и выпустили ожидать приговора за произнесение краткой речи с демонстративною целью».

*) На самом же деле было так. На станции Обираловка Горький вышел сам, желая во чтобы то ни стало попасть в Москву и поехал со следующим поездом, но на Рогожской заставе его встретил жандармский офицер, и до поезда на Севастополь Горький был отправлен в Подольск. От Москвы до Севастополя ему дали в провожатых двух жандармов.